

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Миршаймер Дж. Великое заблуждение: либеральные мечты и международные реалии. Йель юниверсити пресс, 2018. 518 p.

Mearsheimer J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. London and New Haven: Yale University Press, 2018. 518 p.

Профессор Чикагского университета Джон Миршаймер – наиболее известный представитель реалистского направления в теории международных отношений и один из самых авторитетных американских политологов. Название его последней книги «Великое заблуждение» – парафраз заглавия памфлета Нормана Энжелла, написанного более столетия назад и ставшего классикой либеральной политической мысли [Angell 1910]. Подобная игра слов не случайна, так как труд Дж. Миршаймера призван высветить саморазрушительные последствия реализации Вашингтонской стратегии «либеральной гегемонии».

С учётом того, что автор уже на протяжении многих десятилетий выступает её последовательным критиком [Mearsheimer 1994; 2016], в книге заново воспроизводятся некоторые ключевые идеи из предыдущих работ автора (в частности, в ней нашли отражение положения его главного труда «Трагедия отношений между великими державами» [Mearsheimer 2001]). Центральный посыл книги – выбор государством стратегии «либеральной гегемонии» обрекает на провал и без того затратные внешнеполитические акции, ведёт к росту противодействия со стороны других государств, а также к деградации либеральных внутриполитических институтов.

В начале книги автор задаётся вопросом об истоках современного политического либерализма. Последний отнюдь не являлся однородным явлением. Дж. Миршаймер обращает внимание на два исторически сложившихся типа либерализма: «либерализм *modus vivendi*» и «прогрессивный либерализм». Первый сформировался раньше (в XVIII – XIX веках) и считается «классическим», тогда как второй – продукт по преимуществу XX века. Основное различие между ними заключается в приверженности либерализма *modus vivendi* концепции негативных прав¹. К последним относятся свобода слова и частная собственность. Роль государства заключается в их обеспечении (С. 97). Между тем либералы-прогрессисты уделяют преимущественное внимание позитивным правам и интервенциям государства в частную жизнь индивидов с целью создания условий для реализации ими ряда либеральных прав. Например, они выделяют право на равные возможности, обеспечение которого невозможно без активной государственной политики. Главная цель государства, с точки зрения либералов прогрессистского толка, заключается в «социальной инженерии», то есть в проведении качественного преобразования условий жизни людей (С. 114).

¹ Право на невмешательство в жизнь со стороны других индивидов. См. подробнее: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. 1998. URL : <http://kant.narod.ru/berlin.htm> (дата обращения: 02.03.2019).

Дж. Миршаймер прослеживает, как либерализм *modus vivendi*, восходящий к учениям Дж. Локка и Дж. Ст. Милля, постепенно был вытеснен прогрессистским направлением, утвердившимся в трудах таких мыслителей, как Джон Ролз, Фрэнсис Фукуяма и Стив Пинкер. В США, однако, государство стало принимать на себя активную роль в преобразовании жизни граждан задолго до работ теоретиков второй половины XX века. В частности, до 1932 г. Республиканская партия отстаивала идеи, соответствующие положениям прогрессивного либерализма. «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта и программа «Великое общество» Л. Джонсона — примеры попыток «социальной инженерии». Дж. Миршаймер указывает, что подобных инициатив преобразования общества придерживались и республиканцы (Р. Рейган, оба Дж. Буша), и демократы (У. Клинтон, Б. Обама). Приверженность обеих доминирующих партий прогрессивному либерализму — одна из ключевых причин, почему Соединённые Штаты стали проводить соответствующую стратегию и на международной арене.

Дж. Миршаймер выделяет три основных побудительных мотива, обусловивших утверждение прогрессивного либерализма не только в США, но и в мире в целом: индустриальная революция, повысившая общее благосостояние населения; подъём национализма, способствовавший строительству национальных государств; развитие сухопутных армий. Последний элемент важен, так как именно во времена войн государства активнее всего вмешиваются в жизнь населения под предлогом обеспечения «национальной безопасности». Правительству для проведения успешной внешней политики также необходимо поддерживать имидж справедливого социального государства, что опять же требует интервенционизма на внутривнутриполитической арене. Во время «холодной войны», например, борьба с коммунизмом была бы невозможна без проведения социальных реформ

в США, призванных сделать американский путь развития как можно более привлекательным (С. 124).

Совокупность внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, а также ощущение победы в «холодной войне» привели Соединённые Штаты к доктрине «либеральной гегемонии». Последняя предполагает, что «государство стремится превратить как можно больше стран в такие же либеральные демократии, как и оно само, одновременно содействуя развитию открытой международной экономики и созданию международных институтов. По сути, либеральное государство стремится распространять свои ценности повсюду, где только возможно» (С. 13).

Дж. Миршаймер указывает, что осуществление либеральной гегемонии сопряжено с необходимостью *защиты прав человека во всём мире* (универсальной максимальной либеральной идеи, будь то *modus vivendi* или прогрессивной)², *обеспечением глобального мира* (исходя из представлений о том, что демократизация решает вопрос ядерного нераспространения и терроризма) и, наконец, *защитой демократического строя на внутривнутриполитической арене* (авторитарные страны склонны поддерживать оппозицию внутри стран-оппонентов для достижения политических выгод). Стремление решить эти вопросы руководило внешнеполитическими акциями Соединённых Штатов, начиная с решения У. Клинтона о расширении НАТО, участия в двух операциях в Ираке (Операция «Лиса пустыни» и Вторая война в Персидском заливе 2003 года) и заканчивая украинским конфликтом, ответственность за который автор возлагает на Запад и США.

Таким образом, стратегия «либеральной гегемонии» ведёт страну к дорогостоящим кампаниям, агрессивной и милитаризованной внешней политике. При этом попытки «социальной инженерии» за рубежом обречены на провал: они ведут к росту сопротивления со стороны других стран,

² Поэтому, как реакция на неспособность ООН предотвратить геноцид тутси в Руанде, в 1995 г. рождается концепция *Responsibility to Protect, R2P*.

а также к эрозии внутривластных учреждений в стране-гегемоне. Почему, по мнению Дж. Миршаймера, эта стратегия обречена на провал?

Он указывает, что «даже самые слабые государства являются крепкими орешками», описывая примеры провальной политики США во Вьетнаме, Ираке и других странах Ближнего Востока (С. 262). Асимметрия материальных возможностей далеко не всегда ведёт к быстрой и безоговорочной победе гегемона в борьбе с государством с несравнимо более низким потенциалом. Её антиподом выступает асимметрия волевых ресурсов³, делающих военную победу гегемона затратной и часто неосуществимой. Данный «волевой» ресурс профессор Дж. Миршаймер связывает с национализмом.

Последний определяется совокупностью черт: *чувством общности, наличием самобытной культуры, чувством исключительности, чувством глубокой историчности, идентификацией с территорией, полагаемой священной, осознанием суверенитета*. Все они многократно приумножают волевой ресурс нации, на территорию которой посягает другое государство, в результате чего оно сталкивается с партизанской войной, терроризмом, формированием локальных центров силы, которые трудно разбить в генеральном сражении. С этими вызовами США и столкнулись во время Вьетнамской войны, а также после вторжения в Афганистан и Ирак.

Помимо того что национализм способствует мобилизации населения, реализация стратегии «либеральной гегемонии» осложняется тем, что демократизация авторитарного государства практически неосуществимая задача, в особенности в странах, исторически не имевших опыта народовластия. Дж. Миршаймер пишет, что «социальная инженерия» неосуществима силами только лишь армии, тогда как государство порой не располагает ресурсом экспертного знания. Стремясь к демократизации Ближнего Востока, США не име-

ли в администрации Дж. Буша-мл. достаточного числа специалистов, говорящих на арабском языке и разбирающихся в различных направлениях ислама (С. 270).

Кроме того, государство, следующее стратегии «либеральной гегемонии», склонно игнорировать «геополитическое изменение» мировой политики, не замечая, как другие игроки начинают всё больше балансировать его, стараясь сдержать амбициозную политику. Иллюстрацией подобной практики выступает реакция России на расширение НАТО и Европейского Союза, а также на возникшую вероятность вступления в эти объединения Грузии и Украины (С. 276).

Наконец, государство, ведущее бесконечные войны за демократизацию всех стран мира, рискует столкнуться с признаками компрометации демократии «дома». Проводя амбициозную стратегию за рубежом, она не имеет иного выбора, кроме как создать мощную милитаристскую бюрократию для ведения войн и принуждения других. Разрастающийся аппарат военно-промышленного комплекса угрожает либеральным ценностям и институтам внутри страны. Отцы-основатели хорошо понимали эту проблему: как заметил Джеймс Мэдисон, «ни одна нация не может сохранить свою свободу в условиях ведения непрерывной войны» (цит. по С. 240).

Всё это, по мнению Дж. Миршаймера, ведёт к неизбежному провалу политики «либеральной гегемонии» и постепенному размыванию однополюсной конфигурации миропорядка. Тем не менее автор выстраивает систему рекомендаций, призванных помочь США избежать наиболее тяжёлых последствий «либеральной гегемонии»: внутривластного кризиса, растраты бюджетных средств на «амбициозные и заведомо провальные» проекты, игнорирования национальных интересов. Американские элиты пока не готовы слушать данные предложения, и администрация Трампа ещё раз подтвердила, что приверженцев сдержанной политики сравнительно мало

³ См. подробнее: [Истомин 2018: 201].

в американском истеблишменте. Тем не менее усталость населения от интервенционистской повестки ярко проявилась в ходе президентских выборов 2016 г. в Соединённых Штатах.

Какие же практические следствия акцентирует автор из своего анализа? *Во-первых*, «либеральная гегемония» противоречит американским национальным интересам. *Во-вторых*, подтверждения её успешности отсутствуют. «Увязание» США в Афганистане и Ираке, непредвиденные последствия распада государственности в Ливии и Сирии, политика расширения НАТО, спровоцировавшая ревизионизм России, не привели к стабильности и процветанию на международной арене. *В-третьих*, «либеральная гегемония» — дорогое удовольствие. Только Ирак и Афганистан обошлись Соединённым Штатам в пять триллионов долларов, что превышает стоимость всего «Плана Маршалла» (С. 367).

Сказанное ещё раз подчёркивает важность реалистской повестки дня для американской внешней политики. В первую очередь она предполагает концентрацию на трёх стратегически важных регионах — Европе, зоне Персидского залива и Юго-Восточной Азии. Кроме того, она требует балансирования без риска войны с Китаем вплоть до заключения союза с Россией. Это, в частности, означает невключение стран, важных для российских интересов, в западные военно-политические и экономические институты. Реализм не раз подтверждал в прошлом свою миролюбивую ориентацию: представители данной школы выступали против всех крупных внешнеполитических акций США, которые заканчивались долгосрочными и изнурительными войнами. Почему бы не попробовать последовать его советам?

Работа Дж. Миршаймера, несмотря на утверждение автора о том, что она «глубоко теоретична», имеет вполне чёткое практическое значение. Этому способствует и стиль изложения автора, который не требует предварительного освоения специализированных знаний. «Соединённые Штаты — это глубоко либеральная страна, чья внеш-

неполитическая элита имеет почти инстинктивную враждебность к проявлениям национализма и реализма во внешней политике. Она нацелилась на пять стран: Афганистан, Египет, Ирак, Ливию и Сирию. США использовали собственных военных, чтобы помочь свергнуть режимы в Афганистане, Ираке и Ливии, но не смогли сделать этого в Египте или Сирии» — так автор рисует западному читателю альтернативную картинку международных отношений, отличную от той, что показывают на CNN, CNBC, ABC, пишут в *Washington Post* и *New York Times*, а также говорят на площадках CSIS, Brookings Institution и RAND Corporation. В условиях информационной ангажированности и предвзятости книга Дж. Миршаймера — это «глоток свежего воздуха» для специалистов-международников, которые, будучи несогласными с политикой США, теперь могут «прикрыться» фигурой авторитетного теоретика в сносах своих исследований.

Книга, возлагающая ответственность за кризис однополярной модели международных отношений на Запад и США, — серьёзный союзник отечественной политологии. Фраза «Америка, проводящая политику в отношении Украины, мотивированную либеральной логикой, несёт основную ответственность за продолжающийся кризис между Россией и Западом» — может стать главной цитатой на ближайшие годы исследователей внешней политики России. Критика Дж. Миршаймером либерализма гармонично дополняет известный скепсис в отношении западных «фабрик мысли» отечественных специалистов [Шаклеина 2017].

Вместе с тем с точки зрения теории международных отношений значение книги оценить сложнее. Ясность и афористичность стиля изложения Дж. Миршаймера времен «Трагедии политики великих держав» обернулась в работе 2018 г. отсутствием оригинального наполнения. Дело в том, что концепты, которыми оперирует автор, уже разрабатывались представителями неоклассического реализма, что ставит перед автором дилемму: остаться сторонником

наступательного реализма и объяснять мирополитические процессы в категориях материального распределения силы, или согласиться с необходимостью синтеза более широкого набора идей (в том числе концепта *идентичности*) для объяснения ошибочности политики «либеральной гегемонии».

В данной дилемме автор выбрал второе, что подтверждает всё более тревожную тенденцию для всех реалистов: их главные аргументы перестают быть реалистскими, размывая онтологию данной школы. Дж. Легро и Э. Моравчик описали это более ёмко: «"податливая" реалистская концепция теперь охватывает почти всю вселенную теории международных отношений (включая современные либеральные, эпистемические и институционалистские теории) и исключает только несколько идей, считающихся реалистами совсем уже вздором (таких, как откровенная иррациональность, самоотверженный альтруизм субъектов, рабская приверженность идеологии, полная гармония государственных интересов и стремление к мировому государству)» [Legro and Moravcsik 1999: 7].

Из всех аргументов против «либеральной гегемонии» Дж. Миршаймера поистине реалистским остаётся тот, что связан с геополитикой: государство-гегемон игнорирует балансирование контрагентов, а это ведёт к подъёму держав-соперников. Другие аргументы, как, например, влияние политики либеральной гегемонии на внутривнутриполитическую ситуацию в государстве (например, что *милитаристская внешняя политика неизменно способствует созданию мощной государственной машины, склонной к нарушению гражданских свобод своих граждан*) (С. 221–222), не вяжутся с логикой неореализма. Использование такой категории, как национализм, связанный с идентичностью, в качестве мотива внешней политики плохо соотносится с онтологией неореализма, которую Дж. Миршаймер развивал ранее.

В этом отношении книга Дж. Миршаймера⁴ повторяет аргументы таких неоклассических реалистов, как Джеффри Талиаферро, Бенджамин Фордхэм, Дженифер Стерлинг-Фолкер, Себастьян Розато, объясняющих мировую политику с точки зрения идеационных переменных [Taliaferro 2009; Fordham 2009; Sterling-Folker 2009; Rosato 2015]. Показательно, что российские специалисты, соотносящие себя с реалистским направлением, также используют интересубъективные представления в качестве одного из побудительных мотивов проведения «великодержавной политики» [Истомин 2016: 27]. Данная тенденция ставит новые вопросы о том, в каком русле движется современная реалистская мысль, а также в чём отличие реализма от остальных теоретических школ в XXI веке.

Определение «либеральной гегемонии», данное автором в начале книги, остаётся предельно размытым. Если это концептуальное оформление могло бы быть применимо к анализу внешней политики потенциально любой великой державы, то мы сталкиваемся с проблемой уникального исторического опыта США, где утвердилась политическая идеология либерализма. Вряд ли Китай, если он станет новым гегемоном, облачит своё доминирующее влияние в либеральные цвета. Для этого у Поднебесной отсутствует сопоставимый с Соединёнными Штатами опыт столь же глубокого знакомства с либерализмом. Более того, державы предшествующих веков, стремившиеся к доминированию на мировой арене, не преследовали цель стать гегемонами «либеральными». Это ставит проблему скудности эмпирического материала теории: «однополярный момент» США начала XXI века не даёт достаточного практического материала, чтобы утверждать, что «либеральная гегемония» – разновидность стратегии государств. Если же концепт «либеральной гегемонии» описывает сугубо внешнюю политику США, то книга теряет свою теоретическую цен-

⁴ См. также тезис Миршаймера о гипер-национализме в мировой политике по окончании «холодной войны» [Mearsheimer 1990].

ность. Выдвигаемая аргументация приводится *post-factum*: дороговизна внешней политики, рост балансирования соперников, несостоятельность «социальной инженерии» – всё это уже получило широкое освещение и признание. Если бы книга вышла до вторжения в Ирак 2003 года, она могла бы считаться пророческой, не только описывая то, чему не было широко признанного определения, но и давая прогноз относительно роста соперников Соединённых Штатов – Китая и России. С высоты опыта 2018 г. книга представляется лишь ещё одним примером в длинном ряду академически стройной критики внешней политики США.

Более того, автор не приводит убедительных эмпирических доказательств того, что внешняя политика США движима идеологическими и, главное, либеральными мотивами. Автор ограничивается кратким упоминанием «Доктрины Буша», но достаточный ли это аргумент в критике стратегии, как минимум, трёх президентов Соединённых Штатов в начале XXI века? Работа Т. Шаклеиной выглядит более весомой, так как в ней отводится половина объема⁵ проблеме генезиса и эволюции внешнеполитических доктрин США, а также сопутствующим дебатам внутри американского истеблишмента касательно данной либеральной политики. То, что США «стремились свергнуть режимы во всех пяти странах Ближнего Востока: Афганистане, Ираке, Сирии, Египте, Ливии» – довольно

популярный тезис, но не самоочевидный факт. Он требует развёрнутой и академически выверенной аргументации. Между тем автор даже не упоминает, что операции в Афганистане и Ливии проводились на основе резолюций Совета Безопасности ООН, а значит, были поддержаны более широким кругом государств, далеко не все из которого строят внешнеполитическую стратегию на либеральных началах. Совокупный объём, выделяемый на рассмотренные практические примеры внешней политики США, едва превышает тридцать страниц (С. 259–292). Разбирая размышления Дж. Миршаймера, работы которого ранее были построены на глубоком разборе исторических свидетельств, читатель на протяжении книги ждёт аналогичного подхода к фактам, однако в новой работе автор лишь кратко рассказывает о внешней политике США всего в одной главе.

Как уже было отмечено выше, в книге есть свои очевидные преимущества и недостатки. Никто из западных исследователей не представлял так ярко и точно альтернативный взгляд на международные отношения. Авторитет автора придаёт этой книге дополнительный вес. Между тем с точки зрения «чистой науки» новая работа Джона Миршаймера не даёт столь же сильного импульса развитию реалистской школы, как его предшествовавшая книга «Трагедия великодержавной политики».

Никита Неклюдов

Список литературы

- Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.
- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО. 2016. Т. 50. № 1. С. 20–33.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.
- Angell N. The Great Illusion. A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. New York and London: The Knickerbocker Press, 1910. 388 p.
- Fordham B.O. The limits of neoclassical realism: additive and interactive approaches to explaining foreign policy preferences // Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / Eds. Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 251–279.
- Legro J.W., Moravcsik A. Is Anybody Still a Realist? // International Security, 1999. Vol. 24. No. 2. P. 5–55.

⁵ См. подробнее: [Шаклеина 2017: 66–143].

- Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // *International Security*, 1990. Vol. 15. No. 1. P. 5–56.
- Mearsheimer J. Benign Hegemony // *International Studies Review*, 2016. Vol. 18. No. 1. P. 1–3.
- Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.
- Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001. 592 p.
- Rosato S. The inscrutable intentions of great powers // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 48–88.
- Sterling-Folker J. Neoclassical realism and identity: peril despite profit across the Taiwan Strait // *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / Eds. Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99–138.
- Taliaferro J.W. Neoclassical realism and resource extraction: State building for future war // *Neo-classical Realism, the State, and Foreign Policy* / Eds. Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 194–226.

References

- Angell N. (1910). *The Great Illusion. A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage*. New York and London: The Knickerbocker Press. 388 p.
- Fordham B.O. (2009). *The limits of neoclassical realism: additive and interactive approaches to explaining foreign policy preferences. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Eds. Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. Cambridge: Cambridge University Press. P. 251–279.
- Istomin I. (2016). Рефлексия междynародноо системы в официальном дискурсе и научном осмыслении [Reflection of International System in the Official Discourse and Scientific Comprehension]. *Vestnik MGIMO*. Vol. 50. No.1. P. 20–33.
- Istomin I. (2018). *Logica povedenia gosudarstv v mezhdynarodnoi politke* [The Logic of States' Behaviour in International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 294 p.
- Legro J.W., Moravcsik A. (1999). Is Anybody Still a Realist? *International Security*. Vol. 24. No. 2. P. 5–55.
- Mearsheimer J. (1990). Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*. Vol. 15. No. 1. P. 5–56.
- Mearsheimer J. (1994). The False Promise of International Institutions. *International Security*. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.
- Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company. 592 p.
- Mearsheimer J. (2016). Benign Hegemony. *International Studies Review*. Vol. 18. No. 1. P. 1–3.
- Rosato S. (2015). The inscrutable intentions of great powers. *International Security*. Vol. 39. No. 3. P. 48–88.
- Shakleina T. (2017). *Rossia i SSHA v mirivoy politike* [Russia and the USA in World Politics]. Moscow: Aspekt Press. 336 p.
- Sterling-Folker J. (2009). Neoclassical realism and identity: peril despite profit across the Taiwan Strait. In: Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. (Eds.) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 99–138.
- Taliaferro J.W. (2009). Neoclassical realism and resource extraction: State building for future war. In: Lobell S.E., Ripsman N.M., and Taliaferro J.W. (Eds.) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 194–226.